

Немой фильм идеализировал жизнь...

Во второй попытке Андрей ОСИПОВ обзавелся-таки "Никой" — свою "Охоту на ангела, или Четыре любви поэта и прорицателя". Впрочем, наградами А.Осипова не удивить — за свои "Голоса" и получил по всему миру более полусотни наград. Да и "Охота на ангела..." уже завоевала сразу несколько призов на гатчинском фестивале "Литература и кино", в том числе Большой приз жюри.

— Андрей, у вашей картины было еще одно название, "рабочее", — "Ластная жизнь ангела". И она действительно воспринимается как эпичка личных сюжетов. Хотя, как мне показалось, вы все-таки настаиваете, что личное личным, любовь любовью, но есть еще страна, родина, дым отечества, есть судьба человека в обстоятельствах жизни этого самого чечества.

— Как ни странно, но для меня, когда я делаю кино, первостепенными могут стать не идея, не концепция и содержание, хотя, безусловно, это важно, но самая форма предполагаемого повествования. Ее иногда я уже пытаюсь конструировать, потому что в таком публичном жанре искусства, как кинематограф, форма все же первична. Есть зал, есть экран и твоя идея, однако твой рассказ должен быть донесен до зрителя. Необходимо найти то, за что зрительскому вниманию легко будет зацепиться. И, соответственно, здесь помогает форма. Когда я делал "ET ETERA...", где главной стала мысль ценности человеческой жизни, то концепция определилась только тогда, когда я уже точно знал, каким фильмом будет по форме. То же случилось и здесь.

Когда появилась возможность снять фильм об Андрее Белом, человек очень странным, а может быть, даже и не совсем человеке в привычном, обывательском понимании, тем более было интересно — прежде всего — найти форму для его истории. Снимать ее можно было традиционно, как ленту биографическую. Такие фильмы о людях-символах русской культуры можно увидеть практически на всех телевизионных каналах. Мог бы прийти в музеем Белого на Арбате, поставить там камеру, сделать панораму книгам, по сохранившимся под-

линным вещам, наложить закадровый текст... Наверное, и при таком подходе мог получиться достаточно любопытный фильм, но лично мне это было не слишком интересно... И поэтому мы, я и мой соавтор, драматург Одельша Агишев, остановились на другой концепции, другом решении: захотелось рассказать судьбу Андрея Белого через рассказ о поиске новых форм и нового киноязыка в немом кино 10 — 20-х годов.

Начало прошлого века в искусстве было богато поиском иных течений, способов выражения, ответственными от основных дорог, дискуссиями и спорами. Закончилась одна эпоха, ей на смену пришел Серебряный век, художник обратился к себе, к определению смысла жизни и смерти, начала и конца, к разгадке тайнства души. И все — изысканно, утонченно, романтично, с элементом идеализации. И жизнь для поэтов Серебряного века, и не только для них, но и для музыкантов, художников, соединилась с искусством. Исчезло разграничение между тем, что они делали в творчестве, и самой реальностью. Но в этом таились и ростки трагического разочарования, наступившего позже. А рядом мощно развивался молодой, дерзкий кинематограф. Сначала он был только развлечением, но уже в 20-х годах потеха стала постепенно превращаться в искусство, кино жадно питьвало в себя образность и метафоричность, найденные до него другими искусствами. И тогда, уже в 20-х, возникают и немецкий экспрессионизм, и французский авангард, кинематограф уже сам шлет сопредельным искусствам некие сигналы, и эти выбросы энергии начинают что-то определять для современников.

— В "Охоте на ангела..." восемь глав, в центре каждой — ваш неординарный герой. Какая из восьми историй показалась вам самой

А.Осипов с призом читательского жюри фестиваля "Литература и кино" в Гатчине

захватывающей, какую вам самому хотелось бы прожить? Или, наоборот, не прожить никогда?

— Честно говоря, когда делаешь фильм, то он для тебя выстраивается в целом. Меня больше занимает обратная связь, которая обязательно должна возникнуть между экраном и зрителем. В этом твоя ответственность, не зря же эдаким "общим местом" в рассуждениях режиссеров стал страх сделать скучное кино.

— Получается, история любви и страсти была для вас вторичной?

— Нет, конечно, но я же не зря говорил о приоритете формы. Разумеется, без идеи и концепции не возник бы образный строй. Но ведь в кино, как и во всяком искусстве, желателен не только буквальный первый уровень, но и второй, третий, пятый. История должна быть не локальной, но связанной с какими-то

сущностными вещами, она во времени должна существовать.

— Выходит, первое слово, сказанное вами по получении сценария, было "форма"?

— Я очень горжусь, что делаю уже вторую картину с Одельшой Агишевым, любимым мною драматургом. И когда мы задумали эту картину, то первым делом решили, что рассказывать об Андрее Белом надо посредством расцветавшего в ту пору его жизни немого кино. Мы определили конструкцию, которая вместила ключевые моменты биографии Белого, и потом вместе с Одельшой Александровичем в Бельях Столбах отбирали архивный материал, который бы нам пригодился. А дальше, получив стержневую, содержательную опору, Агишев начал писать сценарий.

— На самом деле, во время просмотра фильма не думалось

про форму, забирал сюжет, выстроенный по классическому канону: экспозиция, завязка, кульминация...

— Многие вещи происходят интуитивно, чувствуешь, что здесь необходим вот такой поворот, а тут — определенная длина плана и переход с одной крупности на другую. Это связано с теми законами, по которым сам живешь, с собственным внутренним темпоритмом. И тогда ситуация, снятую в немом кино, можно "озвучить", переадресовав ее на что-то случившееся в жизни самого героя. Ведь символисты не скрывали, что пытаются разгадать в видимом невидимое, в конечном — бесконечное. И свою жизнь они представляли как игру, разделения между жизнью и искусством не было. Потому-то мне и показалось естественным использовать в нашей конструкции фрагменты немых фильмов. Немое кино тоже было иллюзией, игрой, идеализацией и романтизацией жизни. И, конечно, очень интересно окунуться в новый материал. Когда мы попали в архив Госфильмофонда, то ощутили восторг, обнаружив фрагменты картин, дотоле нам неизвестных. Вообще мы часто считаем себя первооткрывателями. Думаем, к примеру, что клиповая эстетика, активно пришедшая в кино и на телевидение в 90-х годах, придумана нашими современниками. Но если посмотреть работы Леже, Ман Рэя, Дмитрия Кирсанова, снятые в 20-х годах, то выяснится, что вся клиповая эстетика была уже там. "Замыленная" камера, сдвинутый фокус, быстрый, динамичный монтаж — все это мы когда-то проходили. Так что, к сожалению, ничего нового уже не изобретешь, главное, чтобы была история, связанная с нею эмоции, желательное, положительное. Кино — это вовсе не информация, это эмоции.

— Первый фильм вашего поэтического цикла "Голоса" был посвящен любимому вами Максимилиану Волошину. С той же страстью любите и Белого?

— Вопрос на самом деле достаточно провокационный. Волошин действительно моя любовь на всю жизнь,

это связано и с его личностью, и с Коктебелем, где он жил, принимал друзей. Волошин был прорицателем, человеком, открывающим людям тайны бытия. Белый был абсолютно другим, но тоже провидцем, личностью, соединившей в себе времена и эпохи, прошлое и будущее, землю и небо, связующим звеном между мирами. Волошин и Белый были людьми так и не понятыми в реальной жизни, отвергаемыми окружением. Но, как мне кажется, именно такие люди позволяют всем нам не сбиваться с истинного пути. Мы их не понимаем, а они просто чуть-чуть опережают время, не вписываясь в контекст мирских забот и сует. Но проходит время, и мы снова приходим к ним. По характеру жизни, мышлению Белый и Волошин очень разные, но сущностно похожи. Когда мы делали свой фильм, то не могли не думать об этом.

— А в авторском отношении к герою все же присутствовал некий скептицизм, ведь ваш герой, Андрей Белый, гениален, но его человеческие проявления при этом и наивностью могут отличаться, и странностями даже. Так кто же он все-таки, по-вашему? Чудак или гений?

— Возможно, я не совсем прав, но мне кажется, что Борис Николаевич Бугаев, взявший псевдоним Андрей Белый, и меня простит, и нас простит, если, не совсем проникнувшись значительностью его и масштабом, мы просто достойно расскажем историю его жизни и судьбы. А уж если зрителю не будет скучно, если он что-то переживет вместе с нами... Мы заранее поставили перед собой определенную задачу: если эта жизнь, эта судьба зрителя зацепят и эмоционально затронут, то хочется верить, он отправится в библиотеку, возьмет книгу поэта и откроет для себя то, чего мы в нем не разглядели, узнает то, чего мы не рассказали об этом философе, художнике, прорицателе из будущего.

Беседу вел
Николай ХРУСТАЛЕВ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

Осипов в Гатчине

2002